

чи других, не менее мучительных смертей, привести к какому-то результату в этой войне. (В. Быков. Дожить до рассвета.) При переводе с русского на белорусский частица *ведь*, в сочетании *но ведь*, может опускаться, заменяться целыми предложениями с модально-побудительным значением.

Следует отметить, что при сопоставлении русского текста и белорусского перевода нельзя делать окончательные выводы о функции слова *ведь* на основании результатов сопоставления, так как не всегда переводчик, возможно, руководствуясь индивидуальным пониманием смысла высказывания, оправданно изменяет, усложняет синтаксическую структуру предложений, вводит дополнительные компоненты (1) или же опускает белорусский эквивалент слова *ведь* (*жа, ж*), упрощая тем самым характер смысловых отношений между компонентами (2): Ср.: 1. — Да постой . . . да, дурак ты... — уговаривал его унтер-офицер Бобылев. — *Ведь* я кто? Я же твой караульный начальник, стало быть... (А. Куприн. Поединок.) — Ды пастой... ды, дурань ты... — упрошваў яго унцер-афіцэр Бабылёў. — *Ты ведаеш, хто я?* Я ж твой караульны начальнік, а значыць... (А. Купрын. Паядынак.) — Как «что же особенного»? Помилуйте. *Ведь* он в правлении, что захочет, то и делает: его, как оракула, слушают. (А. Куприн. Молох.) — Як гэта «што асабліва важнага»? Даруйце. *Вы ж ведаеце, што ён захоча ў сваім праўленні, то і зробіць*: яго, як аракула, слухаюць. (А. Купрын. Молох.) 2. Впрочем, оно и понятно: немцы успели замаскировать объект. Они *ведь* тоже умеют маскироваться — разные там сетки, зеленые насаждения, снег. (В. Быков. Дожить до рассвета.) Зрэшты, яно і зразумела, мабыць, немцы паспелі замаскіраваць аб'ект. Яны (*ж*) таксама ўмеюць маскіравацца — розныя там сеткі, зялёныя маскі, снег. (В. Быкаў. Дажыць да світання.)

Анализ фактического материала свидетельствует, что основные выводы о функции слова *ведь* следует делать при рассмотрении текстов русского языка, где частица *ведь* представлена во всех значениях. Сопоставление русско-белорусских переводов и авторских белорусско-русских текстов дает возможность, на наш взгляд, подтвердить некоторые положения о союзной функции исследуемой частицы, более четко определить конкретные оттенки функционального значения слова *ведь* и проследить характер не только полярных, омонимичных употреблений «частица» — «союз», но и рассмотреть промежуточные, переходные этапы его функциональной семантики: в роли частицы-союза и союза-частицы.

¹ См.: Куприн А. И. Избранное. Минск, 1974; Купрын А. І. Выбранае. Мінск, 1985; Мележ І. П. Збор твораў: У 10 т. Мінск, 1981; Мележ І. П. Люди на болоте. Минск, 1964; Островский Н. А. Как закалялась сталь. Рожденные бурей. Петрозаводск, 1961; Астроўскі М. А. Народжаныя бурай. Мінск, 1931; Куприн А. И. Повести и рассказы: В 2 т. М., 1985; Быкаў В. У. Збор твораў: У 4 т. Мінск, 1981, т. 2; Быков В. В. Повести. Минск, 1985.

А. А. КОЖИНОВА

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА «СЛОВА НА АНТИПАСХУ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Основная задача лингвистики текста заключается в определении работы текстообразующего механизма. Частью такого исследования является анализ структуры текста. Под структурой здесь понимается «целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами»¹.

В статье анализируется одна из основных частей общей структуры текста — лексическая, где взаимосвязанными элементами являются лексемы, составляющие текст. В качестве материала исследования взято одно из произведений древнерусского проповедника Кирилла Туровского

«Слово на антипасху»². Для рассматриваемого произведения характерна строгая и четкая структура. Это можно объяснить тем, что текст должен был восприниматься устно и доносить до не всегда сведущих слушателей мысль автора.

Приступая к изложению своей мысли, говорящий выбирает из эквивалентных единиц ту, которая наиболее адекватна выражаемой мысли. Но цель автора проповеди состоит не столько в сообщении, сколько в укреплении веры слушателей и создании определенного настроения. Поэтому здесь на первый план выступает поэтическая функция языка, которая, по известному определению Р. О. Jakobsona, «проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации». Для выражения определенного смысла привлекается не одна, а несколько лексических единиц, приравненных друг к другу в процессе построения текста. «Равенство используется для формирования последовательностей»³. Лексические единицы такой последовательности подчиняют свое лексическое значение выражению определенного смысла. Такими единицами могут быть как отдельные лексемы, так и их сочетания. Так, смысл 'обновление' может выражаться следующими единицами: *обновление, воскресение, понавляти, быша вся новая, створися небом*. Как видно из примера, сочетание лексем используется в случае, когда отдельная лексема не в состоянии выразить необходимый смысл (ср. *створися небом* — *створися адом*).

Можно выделить следующие смысловые группы лексем, формирующие текст: «бог» (*господь, Христос* и др.), «обновление» (*обновисе, воскресение, царствовать*), «разрушение» (*попране, погубление, конецъ приаши*), «творение божье» (*тварь, праведное солнце, рыбаи*), «творение дьявольское» (*ад, враги, зима языческаго кумираслужения*), «новый завет» (*Христова церковь, пасха, Христова вѣра*), «ветхий завет» (*ветхий закон, субота, козья жертвы*), «дар» (*принесем, восприимем, смирение, безлобие*), «похвала» (*похвалим, слава господня*), «восприятие» (*вижь, слышав, разумѣше, принеси перст*), «вера» (*вѣровавшие, не буди невѣрен, вѣру ими*), «речь» (*глаголя, рек, слово*), «тело господне» (*руцѣ, ребра*), «пророки» (*учителя, пророци, Данил*), «слушатели» (*мы, сущие со мною братья*) и некоторые другие.

В зависимости от значения и сочетаемости компонентов тех или иных смысловых групп представляется возможным разбить текст на девять отрезков, в каждом из которых выражается определенный замысел автора.

Основной смысловой группой первого отрезка является группа «речь». Здесь следует отметить, что, помимо названных основных смысловых групп, пронизывающих весь текст, в формировании отдельных отрезков могут принимать участие группы, необходимые для построения только данного отрезка и не участвующие в дальнейшем развертывании текста. В рассматриваемом отрезке таковыми являются группы «величие» (*велика, мудра*) и «нищета» (*нищии, мутни, мало нѣчто*). Отрезок построен на противопоставлении, с одной стороны, групп «величие», «пророки» и, с другой, «нищета», «слушатели». Он посвящен традиционному самоуничижению автора проповеди.

Следует определить два используемых термина — противопоставление и сопоставление. Под противопоставлением в данном случае понимается отношение лексем и их групп, обладающих в тексте противоположным смыслом. Речь идет об антонимизации, так как именно в тексте могут противопоставляться слова, не являющиеся антонимами с точки зрения языковой системы. Сопоставление же применяется для анализа слов, противоположным смыслом не обладающих, однако так или иначе сравниваемых в тексте. Не все лексемы участвуют в названном противопоставлении: *единицы праздника, о поновлении въскресения Христова* являются связующим звеном между данным отрезком и всем текстом.

Второй отрезок построен на противопоставлении смысловых групп «обновление», «творение божье», «новый завет» группам «разрушение», «творение дьявольское», «ветхий завет». В начале отрезка превалирует идея обновления творения божьего вообще, которая постепенно сужает-

ся автором в идею воцарения нового завета и его превосходства над ветхим. Не все лексемы текста возможно объединить в смысловые группы. Это прежде всего касается служебных слов. Некоторые же знаменательные лексемы, как представляется, указывают на отступление автора от развиваемой темы. Такой во втором отрезке является конструкция *ангелы с женами рабѣлно служить*.

Третий отрезок связан с предшествующим повествованием сочетанием *царицу днем* (группа «новый завет»). Данный отрезок формируется смысловыми группами «дар», «слушающие», «бог». Его построение основано на сопоставлении смыслов 'дар слушающих' и 'дар бога'.

Четвертый отрезок отличается меньшим единством и меньшей стройностью лексической структуры по сравнению с предыдущими. В нем присутствует противопоставление групп «обновление», «творение божье» и «разрушение», «творение дьявольское». Однако с разворачиванием темы отрезка место группы «творение божье» занимают противопоставленные во втором отрезке группы «новый завет» и «ветхий завет». Здесь они находятся в отношении сопоставления — их представители соединены в последовательности с представителями группы «обновление» и противопоставлены, таким образом, членам группы «разрушение» и «творение дьявольское». В самой группе «обновление» следует отметить сопоставление обновления физического и духовного. Замысел отрезка состоит в изображении причин и характера освобождения христиан, с одной стороны, и иудеев, с другой. И в этом отрезке присутствует идея праздника, антипасхи. Она расширена за счет группы «священный хлеб», представляющей здесь символ праздника.

Противопоставлением разрушения старого и появления нового начинается пятый отрезок. Эта тема пронизывает всю рассматриваемую часть текста, но, в отличие от предыдущих отрезков, где подобные темы выражались специально предназначенными для этого смысловыми группами, здесь прием автора меняется. Продолжение повествования старым способом, с четким разделением лексического состава по группам и противопоставлением этих групп, привело бы к изложению уже сказанного. И потому автор конкретизирует идею обновления. Лексемы в пределах каждого высказывания объединяются в тематическое поле, где они связаны на основе смежности лексических значений, что обусловлено связью денотатов в объективной действительности (*небеса просветишася, темных облак яко вретии съвлекошася*). Объединение лексем в тематическое поле в пределах высказывания можно назвать горизонтальным объединением. В результате выделяются следующие тематические поля: «небо», «солнце», «луна», «зима», «весна», «стадо», «сад», «сев», «река», «пчела».

Из слов, представляющих тематическое поле, формируются смысловые группы, отношения которых представляют идею отрезка. В отличие от полей, основанных на связи денотатов в действительности, группы объединяют лексемы с эквивалентным смыслом, причем не в пределах отдельного высказывания, а на протяжении всего отрезка. Такое объединение можно назвать вертикальным. Каждое тематическое поле (каждое высказывание) дает материал для следующих смысловых групп: основных — «обновление», «творение божье» и менее существенных для данного отрезка — «разрушение», «творение дьявольское».

В основе строения данного отрезка текста лежит сопоставление природного творения божьего (*небеса, лед, новоражаеми агньца*) и разумного, познавшего христианское учение (*не видима небеса, нъ разумная; пастыри*); материального и духовного обновления (*съвлекошася темных облак — претворишася на добродѣтель*); вообще материального и духовного (*весна — красная вѣра Христова; бурнии вѣтри — грѣхотворении помысли*). Обновление человеческой души происходит вместе с обновлением природы. В отрезке также присутствует противопоставление обновления творения божьего и разрушение творения дьявольского,

но оно охватывает отдельные предложения и не может считаться формирующим отрезок.

Шестая часть текста включает группу, в которой объединены смыслы обновления и дар божий (*приимше нову жизнь о Христѣ*). Эта группа сопоставляется с группой «дар людей». Смысловыми субъектами предложений являются представители группы «творение божье».

При переходе к седьмому отрезку значимой и определяющей становится группа «бог». Раньше этот смысл в основном лишь помогал формировать смысл других единиц (*въскресе́ние Христо́во*). Собственно, в данном случае трудно говорить о смысловой группе — все ее единицы связаны не смыслом, не равными текстовыми функциями, они связаны обозначением одного и того же денотата. В рассматриваемом отрезке возникает отношение: господь — апостол Фома. Его нельзя назвать ни сопоставлением, ни противопоставлением. Это не смысловое отношение, его скорее можно обозначить как отношение говорящего и воспринимающего, учителя и ученика. Оно расположено в иной плоскости, нежели отношения, уже встречавшиеся в тексте. До сих пор в позиции говорящий — слушающий находились проповедник и паства, нередко объединенные. А сейчас проповедник отступает на второй план, слушатели внимают самому Христу.

Еще одна особенность — наличие рефренов *вѣру ими ми Фома и яко аз сам есмь*. Они указывают на основную идею отрезка — на убеждение Фомы в телесном воскресении Христа. Эта тема представлена следующими смысловыми группами «восприятие», «вера», «речь», «пророки». Неверию Фомы противопоставлены свидетельства пророков. Часть отрезка занята изложением библейских фактов. Лексiku, ее наполняющую, трудно объединить в группы, актуальные для данного текста, так как эта часть представляет собой отрывки из другого текста. Но общий смысл этих, в какой-то степени чужеродных, отрывков заключается в убеждении слушателей в существовании Христа, его рождении, смерти, воскресении.

В следующем, восьмом, отрывке продолжается речь Христа, затем его сменяет Фома. Основанием для отнесения предложений к данному, а не предыдущему отрезку является сходство строения всех заключенных в отрезок предложений, единство групп, включающих их лексемы. Данный отрезок, как и пятый, необходимо анализировать по вертикали и по горизонтали. При вертикальном анализе можно выделить те же смысловые группы, что и в предыдущем отрезке: «речь», «восприятие», «вера», а также новую группу «тело господне». Здесь Христос переходит от убеждения путем ссылки на библейских пророков к убеждению путем подтверждения истинности своих деяний. Поэтому при горизонтальном анализе выделяется тематическое поле «деяния господни». Названные выше смысловые группы не включены в это поле. Они продолжают тему, начатую в предыдущем отрезке, — тему познания и веры. Часть отрезка, где говорящим является Фома, имеет такое же строение. Тема познания и веры в конце отрезка приходит к логическому завершению: *видѣв мя вѣрова блажени невидѣвши и вѣровавши*.

Своеобразие седьмого и восьмого отрезков текста определяет замена лица, от имени которого ведется повествование, присутствие рефренов, наличие смысловых групп, характерных лишь для данных отрезков.

Объединению текста служит заключение. Здесь в качестве говорящего вновь выступает автор. Большую часть заключения занимают различные именованья Христа, которые, одновременно с номинацией, служат определению своего денотата (*пришедшаго оживити нас, просветившаго ны*). Остальные лексемы объединяются в группу «похвала» (*поклонимся, воспоим, похвалим*). Через весь текст проходят лексемы, которые можно объединить в группу «праздник» (*праздник, поновление въскресе́ния Христо́ва*). Эти единицы указывают на предмет, которому посвящен текст, и также служат его объединению.

Анализ рассматриваемого текста позволяет говорить об объединении

лексем по смыслу в пределах каждого отрезка. Смысл рождается при употреблении лексемы в тексте. Оформляя замысел, говорящий употребляет то или иное слово. Слово имеет лексическое значение, но замысел, воплощаясь в тексте, подчиняет это значение своему воплощению, в результате чего образуется смысл. В соответствии с поэтической функцией языка, автор художественного произведения сосредоточивает на различных участках текста эквивалентные в определенном отношении единицы, обладающие одним и тем же смыслом. Эти единицы можно объединить в смысловые группы. Присутствие тех или иных групп, их отношения друг с другом (противопоставление, сопоставление) определяют лексическую структуру текста в нашем понимании.

¹ Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 122.

² См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1957. Т. XIII.

³ Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 204.

А. И. АЛЕХИНА

ОБЩИЕ СИСТЕМНЫЕ СВОЙСТВА СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕРИЙНОСТИ / НЕСЕРИЙНОСТИ

Отношения серийности/несерийности рассматриваются в данной работе как одна из форм фразообразования, в которой проявляется взаимодействие моделированных и немоделированных образований компонентов и элементов системы, что соответственно приводит к делению их на серии с общим, частичным или типовым семантическим признаком. Можно сказать, что отношения серийности/несерийности являются специфическим продолжением отношений моделированности/немоделированности и подтверждают устойчивое состояние последних.

Анализ материала английского языка показал, что фразеологические серии — это внутренняя упорядоченность составляющих фразеологическую систему единиц, имеющих моделированно/немоделированную структуру, определяемую на основе признаков морфологической валентности и сочетаемости слов как частей речи. Результатом этого процесса является грамматическая модель, которая определяет образование классов фразеологических единиц (ФЕ) по их категориальным и функционально-семантическим свойствам.

Основу общей структуры отношений серийности/несерийности составляет структурная формула процесса моделирования: модели «глагол плюс существительное», «глагол минус существительное», «существительное минус глагол». Каждый класс таких моделей представляет собой структурное множество, объединенное одним общим элементом: глаголом, существительным, прилагательным, предлогом или наречием. Модель может быть простой, т. е. в пределах структуры указанных трех типов; модель может быть сложной, когда к тому или иному ядру присоединяются какие-то другие части речи. При этом мы исходим из того, что общая структурная формула моделей содержит в себе опосредованное представление характера серийности/несерийности, а ее структурный потенциал (плюс минус другие части речи к основному ядру) может служить способом экстраполяции на серийность/несерийность фразеологического состава языка. И модели как элементы системы должны дать целостное представление о характере ее структуры. Соответственно исходные модели являются системообразующей основой последующей фразообразовательной структуры фразеологической системы языка и дают возможность формулировать более общие теоретические утверждения.